

Нидерландское изобразительное искусство достигло своего высочайшего расцвета в XV-XVI вв.

Именно в период XV-XVI вв область Нидерландов представляла собой государственное единство – на протяжении всей истории края это было скорее исключением, чем нормой. Нидерландские земли с самого начала были разнородны и в национально-языковом отношении. Но при всём этом несомненны единство и оригинальность культуры региона, обусловленные его расположением на перекрестке важнейших европейских путей; на стыке сфер творчества романских и германских народов.

Обозримая история Нидерландов берёт начало в последние полвека до н.э. Тогда, в ходе завоеваний Юлия Цезаря, римские владения подступили к Рейну. Река надолго осталась рубежом между кельто-романским и германским мирами. С конца I в. нидерландские земли входили в состав римских провинций Бельгика (территория между Шельдой и Сеной) и Нижняя Германия (земли вдоль Мааса, среднего и нижнего Рейна). Важным средством романизации края служило основание городов. Так как римские ветераны неохотно оставались жить в этой суровой местности, власти стали присваивать статус городов (муниципиев) крупным туземным общинам, а их жителям – давать права римских граждан. Особенно активно градообразование шло на северо-востоке страны; наследием римского периода здесь остаются Неймеген (изначально Батаводур, со 105 г. – римский *Ulpia Novijmagus Batavorum*), Лейден (*Lugdunum Batavorum*), Утрехт (*Trajectum*). Однако более значимыми для дальнейшего развития Нидерландов следует признать усилия римлян по обустройству внегородской местности. Основной заботой имперской администрации была охрана рейнской границы от германцев. Для повышения мобильности легионов повсюду строятся дороги и каналы. Сухопутные тракты пролагались вдоль больших рек, по верху насыпей, укреплявших речные берега, возможно, это была уже зачаточная идея дамб, поныне ограждающих Нидерланды от наводнений. Каналы Друза и Корбулона связали местные внутренние воды в единую систему, что позволяло римскому флоту патрулировать территорию, не выходя в открытое море.

Но к середине III в. римское владычество в Нидерландах с очевидностью терпит крах. И римлян, и аборигенов теснят зарейнские германцы: с юга – франки, с востока и с моря – саксы. На севере фризы (так и не подвергшиеся романизации) из-за наступления моря на их земли также двинулись на запад. К середине V в. эти вторжения в принципе сформировали современную лингвистическую карту Нидерландов, границей разделения германской, на севере и романской, на юге языковых зон до сих пор служит линия, соединяющая Кёльн и Камбрэ. Она почти соответствует направлению римской военной дороги, на которую в IV в. был перемещён пограничный рубеж с левого берега Рейна. В конце V в. земли Нидерландов – часть Франкского королевства, возникшего между Рейном и Луарой.

Христианство проповедовалось в Нидерландах уже в IV в. — через римские города Рейнской области; но полномасштабная христианизация началась лишь при франкском короле Хлодвиге, который в 496 г. крестился — причём единственный из варварских вождей того времени принял христианство не в еретической (арианской), а в ортодоксальной форме. Старейшие епископские кафедры Нидерландов находились в городах Тонгерене (с 382 г. — в Маастрихте), Турне, Аррасе (с VI в. — в Камбрэ). В начале VIII в. Маастрихтская епископия переведена в Льеж; в конце того же столетия на севере страны появилась Утрехтская кафедра.

Из области Нидерландов — селения Эрсталь (Херстал) близ Льежа — происходил клан Арнульфingов, давший франкскому государству таких выдающихся деятелей, как Пипин Геристальский (687-714), Карл Мартелл (715-741) и, наконец, Карл Великий (768-814), в 800 г. коронованный в Риме как император. В его державе, доходившей до Эльбы и Пиренеев, территория Нидерландов была процветающей областью в непосредственной близости от имперской столицы Аахена. По Рейну и Маасу располагались любимые резиденции Карла (от которых до нас дошла часовня замка Валкхоф в Неймегене). Арденнский лес был местом ежегодной императорской охоты. Монастыри края давали приют по пути в Аахен придворным, послам, епископам и учёным. Процветала торговля с севером Европы — от Англии до Швеции; центром её был г. Дорстед в устье Рейна. Об этом полулегендарном величии Нидерландов вспоминает средневековый немецкий эпос «Песнь о Нибелунгах».

По смерти Карла Великого начался длительный раздел его империи, завершившийся Верденским договором 843 г. Согласно последнему, между внуками императора были распределены так называемое Западно-Франкское королевство (впоследствии Франция) и Восточно-Франкское королевство (будущая Германия). Старший в роду, Лотарь I, в Вердене наследовал императорский титул и полосу наиболее престижных владений: от устья Рейна до Сицилии. Этот удел Лотаря был назван Лотарингией; в 959 г. император Оттон I обособил в его границах территорию Нидерландов в качестве герцогства Нижняя Лотарингия. Данный топоним, как и римский, «Нижняя Германия», уже превосходит историческое имя края: Нидерланды, «Низинные земли у моря» (*De Lage Landen bij de zee*), которое появилось не ранее XIII в.

Нижняя Лотарингия, будучи легко доступной с побережья и изобилуя после Карла Великого богатыми монастырями и королевскими замками, вскоре сделалась привлекательной добычей для норманнов (датских викингов). Их набеги на земли Нидерландов, особенно опустошительные между 843 и 891 гг., не прекращались до начала XI в. В «норманнскую эпоху» на территории Нидерландов власть естественным образом перешла в руки тех, кто был способен организовать оборону. Подлинным спасением от викингов, не искусных в ведении осад, стало строительство крепостей — прежде всего, в устьях рек. Те, кто распоряжался укреплёнными убежищами, — первоначально, представители имперской администрации — превращаются в этот период в наследственных владетелей-феодалов. Они присваивают земли, оставленные бежавшими от норманнов прежними владельцами, и затем наделяют ими своих вассалов, в обмен на несение службы или повинности.

В X-XI вв. земли Нидерландов уже являли собой пёстрое скопление феодальных владений, зависевших от французского королевства либо от германской империи. Имперской сферой влияния традиционно были долины Рейна и Мааса. В этих областях церковь до поры подчиняла местные интересы общегерманским, но распря между императором Генрихом IV и папой Григорием VII в конце XI в. и здесь открыла путь феодальной раздробленности.

Западная часть Нидерландов, между Шельдой и морем, согласно Верденскому договору, принадлежала Франции. Но населением этой области были германоязычные фламандцы – как видно, мигрировавшие с востока, вследствие наступления вод Северного моря на их прежнюю родину; предполагают, что исходное значение слова «фламандцы» – ничто иное как «беженцы», от фризского глагола «vlieden» – «бежать». Фландрские графы умело пользовались престижем своих предков – защитников страны от норманнов, таких, как Балдуин I Железная рука, середины IX в., и временной слабостью своих основных сюзеренов – французских королей.

На северных и приморских территориях, где природа требовала объединённых и сознательных усилий жителей по осушению болот и по борьбе с опасностью наводнений, независимость патриархальных общин оставалась почти в полной неприкосновенности. Важнейшее здесь феодальное образование, графство Голландское, возникло только в 1075 г.

В период рубежа I – II тысячелетий земли Нидерландов играли важную, можно сказать, объединяющую роль в общеевропейской политике. Культура этих земель развивалась под перекрестным германо-французским влиянием, причём до XI в. преобладало германское, а затем – французское. Характерно, что в монастыре Св. Аманда близ Турнэ в IX в. одной и той же рукой были записаны и старейшее во французской литературе стихотворение – «Кантилена Св. Евлалии», и один из наиболее древних немецких литературных памятников – «Песнь о Людвиге». Фландрский граф Балдуин V был тестем Вильгельма Завоевателя, и в 1066 г. фламандцы активно участвовали в нормандском походе на Англию, а затем, почти в течение ста лет – в колонизации этой страны. И вовсе не случайно, что лидером Первого крестового похода стал нижнелотарингский владетель Готфрид Бульонский, незаменимый как арбитр в улаживании споров между подчинёнными ему французскими и германскими воинами.

Относительная стабилизация жизни, наступившая в Европе с началом II тысячелетия, стимулировала развитие торговли и ремёсел; рост значения городов. Тогда незамедлительно сказались выгоды географического положения Нидерландов: их протяжённая береговая линия; удобные гавани на полпути между Зундом и Гибралтаром и в непосредственном соседстве с Англией; и три полноводные реки, соединявшие страну с южной Германией, Бургундией и центральной Францией. В археологических раскопках Скандинавии, северной Германии и северо-западной России находят фландрские и лотарингские монеты уже рубежа X-XI вв.

Особенно процветала торговля во Фландрии. Там последовательными её покровителями выступили владетели-графы, которые строго охраняли безопасность приезжих купцов и не допускали порчи монеты (тогда как другие государи считали её дозволенным средством решения своих финансовых проблем). Города Ипр, Лилль, Дуэ и Туру развиваются как ярмарочные центры. Морские порты Фландрии, Гент и Брюгге, возникшие как форпосты для борьбы с норманнами, становятся складами товаров, шедших со всего континента в Англию. Здесь, наряду с привозными пряностями и винами, очень быстро приобретают вес шерстяные ткани местного изготовления. В течение XI в. выделка сукон во Фландрии достигла таких масштабов, что местной шерсти для них уже не хватает; стала использоваться шерсть привозная, в первую очередь английская, высокосортность которой принесла фламандским сукнам всеевропейскую славу, и заново стимулировала их производство.

Развитие торговли превратило города – прежде ремесленные посады, служившие повседневным нуждам феодальных замков, – в центры поселения торговцев – людей неизвестного происхождения, которых власти (выгоды ради) признавали свободными. Постепенно купеческий патрициат приобретал в городах власть, а личная свобода распространялась на всё их население. В XII в. города присваивают права судопроизводства и взимания пошлин на своей территории (во Фландрии – обычно перекупая их у графов). Символом независимости города считалось наличие укреплений, которые ограждали не только старый замок, но и торгово-ремесленные кварталы: в Средние века защищённость была необходимым условием свободы.

Владетели возникшего в начале XII в. между Шельдой и Маасом герцогства Брабант, по примеру графов Фландрских, поощряют успехи своих торговых городов: Лувена, Брюсселя, Антверпена. Зато городам во владениях духовных князей – Льежу, Камбрэ – как правило, приходится добиваться себе привилегий кровопролитными восстаниями: епископы видели в торговле разновидность безусловно осуждаемого церковью ростовщичества.

В северных Нидерландах зрелого Средневековья усилия народа, в других областях питавшие рост городов, были направлены на расширение пригодных для жизни земель посредством осушения морского дна и строительства заградительных дамб. Формально большая часть береговых территорий принадлежали графам Голландским и Фландрским (владевшим Зеландией) – но те изначально освобождали от повинностей крестьян, селившихся на побережье. Во Фрисландии и Дренте всё землеустройство организовывалось властью местных общин. К концу XIII в. уже существовала густая и разветвлённая сеть дамб, шлюзов и дренажных каналов – и поддержание её в порядке отныне было условием самой жизни в этих районах, расположенных ниже уровня моря. В это время рождается поговорка: «Весь мир создан Богом, но Голландия – голландцами». Большинство городов Голландии появилось в течение XIII в.: самым первым получил городскую хартию Зирикзе в 1223 г.; затем Дордрехт – в 1230, Харлем – в 1245, Роттердам – в 1299; наконец, Амстердам – в 1300 г.

Рост городов повлёк за собой сдвиги в духовной культуре. Городские общины ревниво

оспаривают у епископов право держать собственные школы; с XIII в. начинается широкое неприятие французского языка, который до того считался безусловным признаком образованности. В творчестве брабантской поэтессы Хадевих (ок. 1200-1269) зарождаются литературные нормы языка нидерландского. Знаком самоутверждения новой, городской культуры стали готическое зодчество и успех монашеских нищенствующих орденов. В Нидерландах XII в. возникло такое оригинальное явление духовной деятельности как бегинажи – общины одиноких женщин (проблема, порождённая недостатком мужского населения в городах того времени). Бегинки вели монашеский образ жизни, но не давали обетов, что оставляло им шанс выйти замуж. Они зарабатывали себе на жизнь прядением шерсти и обучением детей. Меньше были распространены аналогичные мужские общины бегардов; члены их занимались ткачеством, живя согласно францисканскому или доминиканскому уставу.

Середина XIII в. знаменует начало высокого расцвета городов Фландрии. Брюгге превращается в торговую столицу Европы. Отныне брюггские купцы не заняты в морских перевозках (эта роль переходит к северогерманским и английским корабельщикам), но выступают маклерами и посредниками на грандиозном рынке, где встречаются французские вина и английская шерсть; пряности и драгоценное дерево из Средиземноморья; хлеб, лес, металл, меха из Германии, Швеции, Руси.

Главной статьёй доходов Фландрии служили производство и реализация сукна, которыми ведала могущественная корпорация, так называемая Лондонская ганза, объединявшая крупнейшие города графства. Гент и Ипр, наряду с Брюгге, становятся невиданными прежде сукнодельными центрами. Если другие отрасли ремесла в нидерландских городах были подчинены интересам местного рынка и сдерживались цеховым правом, то выделка сукон приобрела поистине фабричный размах: со всеми хрестоматийными чертами капитализма – включая бесправную массу рабочих-ткачей (прозываемых «синие ногти»), которых периодические кризисы обрекали на безработицу и нищенство.

Развитие городского строя в XIII в. изменяло облик всего общества. Крестьяне, ставшие, волею судьбы, поставщиками городов, вырастают в рыночные отношения и постепенно откупаются от феодальных повинностей. Графы Фландрии могут лишь пользоваться сложившимися обстоятельствами: они окружают себя, взамен прежних вассалов, чиновниками на жаловании. К концу столетия видную роль в управлении графством уже играет коллегия выборных от «пяти добрых городов Фландрии». В XIV в., с потерей Лилля и Дуэ, захваченных Францией, в этом сообществе остаются Брюгге, Гент и Ипр – которые известны не иначе как *de drie leden van Vlaendren* – «три члена Фландрии».

Одновременно, ещё с XII в., независимость Фландрии оспаривается королями Франции, по феодальному праву – сеньорами фландрских графов. Вмешавшись в распрю между двумя ветвями графского дома, французский король Филипп IV Красивый заявил о конфискации Фландрии и в 1300 г. занял её войсками. Для горожан французское

владычество предвещало только разорение, так как король намеревался прекратить торговлю с Англией и распространить на Фландрию свой обычай порчи монеты. В мае 1302 г. жители Брюгге истребили французский гарнизон, а 11 июля ополчение брюггских горожан наголову разбило королевское войско на равнине близ Кортрейка (Куртре). Эта одна из первых в Европе побед пехоты над рыцарской конницей вошла в историю под именем Битвы Золотых шпор (этими своими трофеями фламандцы украсили церковь Кортрейка).

Победа брюггцев не была безусловной, но после неё власть в городах Фландрии перешла из рук старого патрициата, скомпрометировавшего себя сотрудничеством с французами, к верхушке сукнодельных цехов, естественно заинтересованных в союзе с Англией, поставлявшей им шерсть. Это определило позицию Фландрии в первые годы Столетней войны – когда граф, лояльный Франции, оказался беспомощным перед городской массой, во главе с суконщиками, стоявшей за нейтралитет ради продолжения свободной торговли с обоими враждующими королевствами. Торговые интересы объединяли Фландрию с проанглийски настроенными Брабантом и Голландией (английский король Эдуард III был зятем генегау-голландского графа Вильгельма III, а как имперский наместник он мог требовать повиновения и от владетелей Брабанта). Данная расстановка сил вывела на сцену старшину гентских суконщиков Якоба ван Артевельде. В 1339 г. выступая от имени «добрых городов», Артевельде заставил графа против его воли заключить торговый и оборонительный союз с Брабантом и Голландией. После этого граф бежал в Париж, а Артевельде оставался полновластным диктатором Фландрии – до своей гибели в 1345 г. Фландрскую смуту XIV в. прекратил только приход эпидемии «Чёрной смерти».

Памятниками могущества и торжества фламандских городов высокого средневековья стали оригинальные гражданские постройки в готическом стиле: городская башня (бельфорт) в Генте (XII-XIV вв.), ансамбли Суконных рядов в Брюгге и Ипре (XIII-XIV вв.).

Политический вес городских цехов во Фландрии был столь очевиден, что не требовал какого-либо официального провозглашения. В то же время в герцогстве Брабант и в Льежском епископстве, соответственно в 1312 и 1316 гг., города в союзе с дворянством добились от своих сюзеренов письменных хартий, которые обязывали государей судить и взимать подати строго по существующим законам – а в противном случае давали подданным право на активное сопротивление.

Отношения между княжескими семьями на территории Нидерландов объективно вели к объединению страны. В 1288 г. герцоги Брабантские присоединили Лимбург. Голландские графы в 1299 г. стали также владетелями графства Геннегау (Эно), а по договору 1323 г. с графами Фландрии получили островную часть Зеландии. Гронинген и Дренте были сеньориями епископа Утрехтского, который владел также частью Оверэйссела – деля его с графами Гелдерна. Параллельно развивалась «инициатива снизу» – экономическое сближение земель и городов: как уже упомянутый договор между Фландрией, Брабантом и Голландией в 1339 г., а также торговый союз (ганза)

Искусство старых Нидерландов (XIV — XVI вв.). 1. Старые
Нидерланды — перекресток истории | 7
городов Голландии, Зеландии и Утрехта, заключённый в 1370 г.